

Егор Кушманцев

Порт теней

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Егор Кушманцев

Порт теней

«Автор»

2026

Кушманцев Е.

Порт теней / Е. Кушманцев — «Автор», 2026

Пепел прошлого въедается в кожу. Солёная вода порта помнит каждое тело, упавшее на дно. Но есть тайны, которые даже вода не может смыть. Грэйс Уэллс — детектив, похоронившая себя в архиве нераскрытых дел. Она привыкла к тишине мёртвых папок, к запаху пыли и безнадёжности. Она давно перестала ждать чуда. Всё меняется, когда в порту находят тело портнихи Элис Моро, а её семилетняя дочь Надя исчезает. В этом деле слишком много вопросов. Слишком мало улик. И слишком много тех, кто предпочитает не видеть и не говорить. Грэйс бросает вызов системе. Без значка, без прикрытия, вооружённая только архивной пылью и звериным чутьём, она ныряет на дно города — в мир контрабандистов, ржавых доков и теней, которые умеют убивать. Но порт не отпускает просто так. Каждый шаг приближает её к «Чужаку» — тому, кто носит её глаза и знает правду, которую Грэйс боится узнать. А маленькая Надя оказывается не просто пропавшей девочкой. Она — ключ к тайне, которую порт хранил десятилетиями.

© Кушманцев Е., 2026

© Автор, 2026

Егор Кушманцев

Порт теней

Глава 1. Пепел среды

Дождь зарядил ещё затемно. Он барабанил по карнизу с монотонностью метронома, отсчитывающего последние минуты тишины. Я лежала в сером полумраке спальни, слушая эту дробь, и вкус утра был как пепел на языке — сухой и горький, несмотря на влажность за окном. В комнате пахло вчерашним кофе и старыми газетами, которые я так и не выбросила.

В двадцать семь лет я научилась просыпаться без иллюзий. Я села на край кровати, и короткие черные волосы упали на лицо жесткими прядями, напоминая вороново крыло. Свет уличного фонаря, пробивающийся сквозь пелену дождя, рисовал на стене косые тени. Я нащупала босыми ногами холодный пол и встала. Сто семьдесят восемь сантиметров роста делают меня заметной в любой толпе, но сейчас, в тишине своей квартиры-студии, я чувствовала себя не выше этого самого пола.

Душ, резкий и почти ледяной, смыл остатки сна. Я не смотрелась в запотевшее зеркало — этот взгляд, темный и немного исподлобья, я и так знала наизусть. Гардероб был предсказуем, как ежедневная сводка происшествий: черная водолазка, темно-серые брюки, кожаная куртка, потемневшая от времени и дождей. Вязаный шарф грубой вязки, больше похожий на рыбацкую сеть, я намотала на шею скорее для тяжести, чем для тепла. Я не ношу яркой одежды. Яркая одежда привлекает внимание, а внимание — это последнее, что нужно тому, кто предпочитает наблюдать, оставаясь в тени.

Кофе я выпила стоя у окна. Черного, без сахара. Город за стеклом тонул в серой мороси, машины ползли с включенными фарами, люди прятались под зонтами. Утро среды не предвещало ничего, кроме рутины.

Путь до управления полиции занимает двадцать пять минут на метро, но в этот раз я поехала на автобусе. Мне хотелось видеть улицы, чувствовать их медленное, тягучее пробуждение. Салон пах мокрой шерстью и усталостью. Я села у окна, прижавшись виском к холодному стеклу. Капли расплзались по нему, искажая очертания домов, превращая их в размытые акварели. Это был старый промышленный район: кирпичные стены, исчерченные подтеками ржавчины, словно вены, вылезшие наружу; пожарные лестницы, похожие на черные шрамы; облупившиеся вывески заколоченных магазинов. Город-призрак, думала я, притворяющийся живым.

Полицейское управление, где я работала, располагалось в массивном здании довоенной постройки. Его фасад, когда-то претендовавший на величие, теперь давил своей безнадежной монументальностью. Широкая гранитная лестница стерлась посередине от тысяч шагов — шагов преступников, жертв, копов. Всех тех, кто искал здесь истину или пытался от неё скрыться.

Внутри пахло хлоркой и машинным маслом, как в старом гараже. Лампы дневного света под потолком гудели, заливая коридоры безжалостным, клинически-мертвым сиянием. Я кивнула сержанту за стойкой — толстяку с багровым лицом и вечно влажной сигарой в зубах — и прошла в отдел «Холодных дел». Так я сама окрестила отдел нераскрытых преступлений.

Это была большая комната, заставленная рядами металлических шкафов. Бумага здесь была повсюду. Горы папок громоздились на столах, пылились на подоконниках, вываливались из полуоткрытых ящиков. Это была канцелярия прошлого, архив человеческих грехов, который никто не торопился оцифровывать. Слишком много, слишком давно, слишком безнадежно.

Моё рабочее место — стол у окна, заляпанного вековой грязью так, что вид из него напоминал снимок в расфокусе. Единственным украшением служила старая лампа под зеленым

абажуром, дающая островок теплого, уютного света в море больничной белизны. Мне нравился этот контраст.

Я сняла куртку, повесила её на спинку скрипучего стула и села. День начался. День бумажного крота.

Сегодня мне предстояло разбирать коробку с уликами по делу о пропаже человека пятидесятилетней давности. Никто не ждал прорыва. Это была имитация деятельности, способ оправдать крошечный бюджет отдела. Я открыла крышку. Запахло затхлостью, старой бумагой и чем-то сладковатым, похожим на сухие духи. Я достала первый слой: пожелтевшие фотографии, скрепленные ржавой скрепкой. Мужчина в шляпе, женщина в платье с широкими плечами, улыбающиеся, живые. Их лица стерлись от времени, и улыбки казались гримасами.

Я перебирала документы, и передо мной разворачивалась чья-то трагедия, законсервированная в бюрократических формулировках. «Белыми нитками шито, — бормотала я про себя, читая протокол допроса. — Вы же все ввали, мистер Дженкинс. И вы, миссис Дженкинс, тоже ввали. Но почему?»

Атмосфера действовала гипнотически. Шуршание бумаг сливалось с шумом дождя за окном. Время от времени в коридоре раздавались шаги, хлопали двери, доносились обрывки фраз. Жизнь шла своим чередом. Я заполняла формуляр, вписывая имена, даты, номера папок. Мой почерк острый, угловатый, с длинными, как порезы, росчерками. Я работала методично, погружаясь в детали, ища несостыковки, мелкие детали, за которые мог бы зацепиться взгляд. Но в этот день все нити вели в пустоту.

К обеду дождь усилился. Я вышла на крыльцо подышать воздухом, который, несмотря на выхлопные газы, казался свежее, чем в моём склепе. Встала под козырек, закурила. Дым смешивался с водяной пылью, создавая вокруг меня эфемерный кокон. Мимо пробегали прохожие, прикрывая головы газетами и портфелями. Весь мир суетился, пытаясь укрыться от неизбежного. Я сделала несколько глубоких затяжек, глядя, как огонек сигареты отражается в мокром асфальте, и вернулась обратно.

Вторая половина дня прошла так же. Я разбирала показания, сверяла адреса, делала пометки на полях. «Ложь», «Скрывает», «Мотив?». Мои заметки сухие и циничные, как и я сама. Я не пытаюсь докопаться до правды из чувства справедливости. Справедливость — это абстракция. Мне просто интересно. Интересно, как устроен механизм чужой лжи, где находится та шестеренка, которая соскакивает и заставляет весь механизм врать.

В шесть часов вечера, когда стрелки настенных часов сошлись в немой молитве, я закрыла папку. Дело пятидесятилетней давности осталось таким же холодным, как и утром. Ещё один день, растворенный в вечности. Я надела куртку, погасила лампу, и комната погрузилась в общий мертвенный свет. Первый день был похож на сотни других. Никаких звонков, никаких вызовов, никаких трупов. Только пепел старых тайн на кончиках пальцев.

У выхода я столкнулась с детективом Харрисом из отдела убийств. Он был весь в движении, плащ развевался, лицо покраснелось от спешки и дождя.

— Опять бумажки перебираешь, Грэйс? — бросил он на ходу, даже не взглянув на меня. — Покойников не беспокой, душу вытрясут.

Я ничего не ответила, и он исчез за дверью, растворившись в сыром вечере. Я усмехнулась про себя. Харрис не знает, что иногда покойники говорят куда громче живых. Просто их нужно уметь слушать.

Я вернулась домой. Опять кофе. Опять дождь за окном. Опять тишина. Среда превратилась в пепел.

Глава 2. Мертвый штиль

Четверг начался с того, что дождь наконец прекратился. Но легче от этого не стало. Небо висело низко, как прессованная вата, пропитанная свинцом, обещающая новую порцию влаги. Я

даже немного жалела об отсутствии дождя. Его дробь создавала иллюзию живого присутствия в мире, а гнетущая тишина, повисшая над городом этим утром, была куда более зловещей.

Я вошла в управление, чувствуя перемену в самом воздухе. Обычный фоновый гул был нарушен резкими, как лай, голосами из отдела убийств. Мимо меня, чуть не сбив с ног, пронёсся Харрис, за ним еще двое в штатском. Лица у всех были сосредоточенные, злые. Пахло не просто бедой, а бедой свежей, горячей, которая обжигает легкие.

Когда я подошла к стойке сержанта, тот многозначительно кивнул в сторону коридора и, не вынимая изо рта своей вездесущей сигары, прохрипел:

— Порт. Нашли женщину. Портниха, кажется. Убита в собственном доме, прямо у доков. И, Грэйс... — сержант наклонился вперед, понизив голос до хриплого шепота, — у неё была дочь. Маленькая. Лет семь-восемь. Девочка пропала.

Я почувствовала, как внутри что-то сжалось. Убийство — это работа. Пропавший ребенок — это уже личное. Это та рана, которая не затягивается, даже если закрыть дело. Я кивнула, не подавая вида, что последние слова сержанта ударили меня сильнее, чем следовало бы.

Я сняла куртку в своем кабинете, но тишина «Холодных дел» сегодня не успокаивала, а душила. Я знала, что где-то там, в двух милях отсюда, лежит тело женщины, которая, возможно, отдала бы всё, чтобы её дочь была в безопасности. А теперь девочка где-то одна, в этом лабиринте из ржавого металла и соленой воды.

Решение пришло само. Я взяла со стола пустую папку и направилась прямо в логово зверя — в отдел убийств. Там царил управляемый хаос. На большой доске уже висела карта портового района, фотография двухэтажного обшарпанного дома, втиснутого между складскими ангарами, и снимок женщины. Снимок был старый, с какого-то документа. Женщина смотрела в объектив с усталой полуулыбкой, темные волосы убраны под косынку. Рядом с фотографией было нацарапано мелом: «Элис Моро. 34 года. Портниха». И ниже, подчеркнутое жирной линией: «Дочь — Надя Моро, 7 лет. Местонахождение неизвестно».

Капитан Морроу, грузный мужчина с лицом, изрезанным морщинами, как старая карта, стоял в центре и раздавал указания. Харрис крутился рядом, нервно постукивая пальцами по столу.

— Детектив Грэйс, — голос капитана был скрежетом гравия. — Какого хрена ты здесь забыла? Это не твой ебанный отдел.

Я почувствовала, как желваки заиграли на скулах. Но не отступила ни на шаг.

— Капитан, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал от ярости. — Пропавший ребенок в порту. Это не просто убийство, это, блядь, не просто убийство! Если мы не найдем девочку в ближайшие часы, её след остынет навсегда. Я могу помочь. Я знаю архивы портовых дел за последние десять лет. Контрабанда, беглые, притоны. Я, сука, найду связи, которых нет на ваших гребаных поверхностных картах.

В моём голосе звучало что-то ещё — холодная, с трудом подавляемая ярость. Морроу сверлил меня взглядом. Его багровая физиономия потемнела ещё больше.

— Мне, блядь, не нужен библиотекарь на месте преступления! — рявкнул он, брызгая слюной. — Ты слышишь, Грэйс? Иди обратно в свой архив, нюхай там свои гнилые бумажки!

— Вам нужен тот, кто видит то, чего не видят другие, — я не повысила голос, но каждое слово было как пощёчина. — Харрис, скажи этому старому пердуну, что я права.

Харрис замаялся, потер переносицу. Он не любил меня за мои колкости, но чутьё у меня звериное.

— Она знает портовую шваль по старым делам, кэп, — выдавил он. — Если девчонку утащили в какой-нибудь трюм или плавучий бордель, нам нужны эти связи. Пусть, нахуй, едет.

Капитан выругался так, что у сержанта за стойкой сигара изо рта выпала.

— Хорошо, — прорычал он, ткнув в меня толстым пальцем. — Езжай с Харрисом. Но только попробуй мне там действовать через голову, Грэйс! Ты поняла меня, сука?! Вернешься к своим бумажкам до самой, блядь, пенсии! Я тебя закопаю, если ты мне всё насрешь!

— Поняла, капитан, — процедила я сквозь зубы, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. — Слышу, как ты ссышь в свои генеральские штаны.

Он побагровел ещё сильнее, но я уже вышла.

В машине пахло дешевым табаком и мокрой кожей. Харрис вел молча, только один раз бросил на меня косой взгляд.

— Слушай, Грэйс, там не санаторий. Крови много. Женщину полоснули ножом, как рыбу на разделочном столе. И главное — никаких следов взлома. Дверь была открыта. Соседка зашла утром за заказом и нашла... нашла это. Кричала так, что слышали на другом конце пирса.

— Девочку кто-нибудь видел? — я смотрела в окно на проплывающие мимо серые громады портовых кранов. Они были похожи на скелеты доисторических чудовищ, застывших в немом ожидании.

— Никто. Исчезла, как сквозь землю провалилась. Никто не слышал криков. Никто ничего не видел. Порт — это страна глухих и слепых, ты же знаешь.

Машина остановилась у обшарпанного двухэтажного дома, прилепившегося к кирпичной стене старого склада. Желтая лента оцепления хлопала на ветру, который приносил с залива запах гниющей рыбы, соли и мазута. Этот запах въедается во всё — в одежду, в волосы, в саму душу. Вокруг толпились зеваки — грузчики в засаленных робах, какие-то мрачные типы с сигаретами в зубах.

Я вышла из машины и на секунду остановилась, вбирая в себя атмосферу. Порт жил своей жизнью. Где-то вдалеке гудел буксир, лязгали цепи, кричали чайки. Но здесь, у дома, стояла особенная, тяжелая тишина.

Мы поднялись по скрипучей деревянной лестнице. Запах крови я почувствовала за три ступеньки до входа — сладковатый, железистый, он перебивал даже вездесущую вонь порта. Внутри было темно и тесно. Комната служила и мастерской, и жильем. На манекене висело неоконченное платье из дешевого ситца, украшенное рюшами — явно для девочки. Рядом на столе лежали катушки ниток, ножницы, сантиметровая лента. И тут же, перечеркивая этот уютный беспорядок, на полу, на полочке, связанном из лоскутов, лежало тело.

Я заставила себя посмотреть. Элис Моро лежала на спине, раскинув руки. Её лицо, искаженное предсмертной мукой, было обращено к потолку, но глаза были закрыты — кто-то из полицейских уже опустил ей веки. Темные волосы слиплись от крови. Удары ножом были хаотичными, яростными — такие наносят либо в припадке безумной злобы, либо когда боятся. Очень боятся.

— Эксперты уже работали, — тихо сказал Харрис у меня за спиной. — Смерть наступила между полночью и двумя часами ночи. Орудие — что-то вроде рыбацкого ножа, широкое лезвие. Но самое странное здесь.

Он указал на угол комнаты. Там, у старого комода, стояла маленькая железная кровать, застеленная лоскутным одеялом. Одеяло было откинута, подушка смята. На стене над изголовьем висели детские рисунки, приколотые кнопками. Кораблики с треугольными парусами, солнышко с лучиками-палочками, домик с трубой. И на одном из рисунков — две фигурки, большая и маленькая, держащиеся за руки. Внизу корявыми печатными буквами было выведено: «МАМА И НАДЯ».

— Девочка была здесь, когда это случилось, — медленно произнесла я, и это был не вопрос. — Она спала.

— Похоже на то, — кивнул Харрис. — Но никаких следов борьбы. Никаких следов ребенка. Будто её просто... забрали.

Я присела на корточки перед кроватью. Провела рукой по смятой подушке, словно пытаюсь нащупать остатки тепла. Мой взгляд скользнул по рисункам, по корабликам, по солнышку. И тут я заметила то, на что другие не обратили внимания. Под кроватью, почти скрытый тенью, лежал маленький тряпичный заяц с оторванным ухом. Игрушка была брошена в спешке, но не испачкана кровью. Девочка либо выронила её, когда убегала... либо когда её уносили.

— Харрис, — позвала я, не оборачиваясь. — Убийца пришел не за Элис.

— Что?

— Посмотри на дверь. Нет следов взлома. Элис знала его. Впустила сама. Возможно, даже предложила чаю, — я кивнула на две чашки, стоявшие на кухонном столе. В одной из них еще виднелась коричневая лужица на дне. — Они разговаривали. Он ждал. Ждал, пока девочка уснет. А когда она уснула, он сделал то, за чем пришел. Элис пыталась его остановить. Поэтому такая ярость. Поэтому столько ударов.

Я встала, и в моих темных глазах блеснул холодный, опасный огонек.

— Это не просто убийство, Харрис. Это похищение, замаскированное под убийство. И если девочка еще жива, время уходит, как вода в песок. Нужно поднимать старые связи. Контрабандисты, торговцы живым товаром — кто сейчас держит порт в кулаке?

— Семья Маркони. Итальянцы. Но они не сунутся в похищение ребенка, это грязно даже для них.

— В порту всё грязно, Харрис. Даже вода.

Я еще раз обвела взглядом комнату. Манекен с неоконченным платьем, кровать с рисунками, одинокий заяц на полу. Вся жизнь Элис Моро была в этой комнате. И теперь эта жизнь превратилась в уравнение со смертью, в котором не хватало главной переменной — маленькой Нади.

Я вышла на крыльцо. Ветер с залива ударил в лицо, принес с собой запах соли и разложения. Я закурила, глубоко затягиваясь. Внизу, у причала, покачивались на волнах рыбацкие баркасы. Черная вода лениво билась о сваи, как будто порт дышал, медленно и тяжело. Где-то там, в этом лабиринте из досок, металла и человеческой алчности, была спрятана маленькая девочка, которая рисовала кораблики и любила свою маму.

Я бросила окурок в воду и, не оборачиваясь к Харрису, тихо сказала:

— Я беру это дело.

Это не было просьбой. Это был приговор.

Глава 3. Тени на воде

Туман наползал с залива медленно, как вор, боящийся спугнуть жертву. Он пробирался между ржавыми контейнерами, облизывал холодным языком сваи причалов, заставлял фонари светить тускло и безнадежно. К тому времени, как мы с Харрисом покинули дом Элис Моро, порт превратился в декорацию к дурному сну — все звуки стали глуше, очертания предметов расплылись, а собственная тень казалась чужой.

Я стояла у края пирса, глядя в черную, маслянистую воду. Где-то в глубине, под слоем мазута и водорослей, лежали тайны, которые этот порт хранил десятилетиями. Контрабандные цепи, ведущие через всю страну; скелеты неудачливых должников, обвязанные ржавыми цепями; истории о людях, которые ступили на эти скользкие доски и больше никогда не вернулись. И теперь где-то здесь, в этом царстве ржавчины и гнили, была спрятана семилетняя девочка.

— Местных уже опросили, — Харрис подошел сзади, держа в руке помятый термос. Он протянул его мне. — Никто ничего не видел. Стандартная песня: «Мы спали», «У нас своя работа», «Мы не стукачи». Даже старый Джефферсон, который вечно торчит на своем баркасе и знает всё, что происходит на милю вокруг, притворился глухим.

Я сделала глоток обжигающего черного кофе. Вкус был отвратительный, но именно это и помогало думать.

— Значит, они боятся. И боятся не полиции. Боятся того, кто сделал это. Или тех, кто за этим стоит.

Я прислушалась к звукам порта. Хлопанье флага на ветру, скрип досок, плеск воды о сваи. И еще один звук, далекий и едва различимый, — чей-то разговор, обрывки которого ветер приносил с северной стороны, где стояли старые рыбные склады.

— Пойдем, — бросила я и двинулась в сторону звука.

Харрис закатил глаза, но пошел следом. Он уже начинает привыкать, что когда я говорю «пойдем», спорить бесполезно. Я двигалась сквозь туман, как хищник, почуявший добычу, — длинные ноги, черная куртка, решительный профиль. В этом свете, под этими фонарями я сама была частью нуарного пейзажа.

Мы прошли мимо груды ржавых якорей, похожих на скелеты гигантских птиц, мимо штабелей подгнивших досок и выгашенных на берег баркасов, которые ждали починки уже много лет. Звук разговора становился громче. У заброшенного склада с выбитыми окнами, под единственным фонарем, собралось несколько человек. Они стояли тесной группой и тихо переговаривались, но когда заметили приближающихся детективов, разговор оборвался на полуслове.

Я сразу выделила главного. Мужчина лет пятидесяти, с обветренным лицом и седой щетиной. Одет в старую рыбацкую робу, но руки выдавали его — на костяшках набиты выцветшие чернильные якоря, а на пальцах шрамы. Такие шрамы оставляет не рыбацкий крючок, а леска, когда её с силой наматывают на руку... или на горло жертвы.

— Вы кто? — спросила я, останавливаясь в нескольких шагах.

Мужчина сплюнул на землю и оглядел меня с головы до ног. Увидев значок, который я предусмотрительно достала из кармана, усмехнулся.

— Полиция. Знаю я вас. Вы уже были здесь час назад. Толстый сержант с блокнотом. А вы, значит, из других.

— Из других, — спокойно подтвердила я. — И вопросы у меня другие. Меня зовут Грэйс. Я хочу знать, кто в этом порту занимается живым товаром.

Лицо мужчины дернулось, но он тут же взял себя в руки.

— Не знаю, о чем вы, мисс. Здесь честные рыбаки. Мы ловим треску и камбалу. Живой товар — это к Маркони, а у нас — профсоюз.

— Лжете, — холодно сказала я. — Вы не рыбак. У вас пальцы в шрамах, которые оставляет леска, натянутая вручную. Леска не для рыбы, а для контрабандных тюков под водой. Вы поднимали грузы со дна в темное время суток. И Маркони вам не босс, а конкурент. Вы работаете на кого-то другого. На кого?

Мужчина перестал улыбаться. Его спутники нервно переглянулись.

— Вы не из отдела убийств, — медленно произнес он. — Те так не смотрят.

— Я из отдела, который знает всё, — я сделала шаг вперед. Теперь мы стояли почти вплотную. — Сегодня ночью убили женщину. Элис Моро. Портниху. Её дочь пропала. Девочке семь лет. Она рисовала кораблики и боялась темноты. И сейчас она где-то здесь, в этой дыре,

одна, напуганная до смерти. Я не спрашиваю вас о мокрухе. Мне плевать на ваши разборки и на то, кто кому перешел дорогу. Я хочу знать, куда могли увести ребенка.

Повисла тяжелая пауза. Ветер трепал полы моей куртки, туман клубился вокруг наших ног, словно живое существо. Харрис стоял чуть поодаль, положив руку на кобуру — на всякий случай.

Наконец рыбак заговорил. Его голос стал тише, утратив прежнюю бравату.

— Детей мы не трогаем, — сказал он, и на этот раз в его голосе звучала если не честность, то хотя бы убежденность. — Это закон порта. Даже Маркони его соблюдает. За детей — пулю в затылок без разговоров. Все знают.

— Тогда кто мог его нарушить?

Мужчина заколебался. Он посмотрел на своих товарищей, как бы ища поддержки. Те отвели глаза.

— Есть один... — он запнулся. — Вы про «Ржавый якорь» слышали?

— Бар на восточном пирсе, — кивнула я. — Притон для самой грязной пены. Я читала отчеты.

— Это не просто бар. Это плавучая тюрьма. Под ним, в трюме старой шаланды, которую притопили еще в двадцатых, есть каюты. В них держат товар перед отправкой. Контрабанду, которую нужно спрятать на пару дней. Иногда — людей. Тех, кто задолжал, тех, кого выкупают. Но несколько месяцев назад там появился новый игрок. Чужак. Никто не знает его имени. Платят хорошо, задают вопросы плохо. Он приходит и уходит через восточный док. Говорят, у него свой баркас, быстрый, с переделанным двигателем.

— Он брал детей? — я подалась вперед, чувствуя, как внутри всё закипает.

Рыбак опустил глаза и тихо, почти шепотом, ответил:

— Месяц назад пропала дочка мусорщика из Южного района. Её искали три дня, а потом нашли у старого волнореза. Живую, но... — он не договорил. Его кадык дернулся. — Она ничего не помнила. Вообще ничего. Только плакала и звала маму. Мамы у неё не было.

Я почувствовала, как внутри всё холодеет. Значит, это не первый случай. Значит, кто-то методично, как паук, плетет сеть.

— Как его найти? — спросила я. — Чужака с баркасом.

— Я не знаю. Клянусь. Но в «Ржавом якорь» есть бармен, Молчун. Он единственный, кто говорит с Чужаком напрямую. Если кто-то и знает, где сейчас девчонка, это он. Только он вам ничего не скажет. Скорее, нож в бок получите, чем ответ.

— Слушай сюда, старый пидор, — мой голос стал тихим, но в нём звенел металл. — Ты будешь сейчас говорить, или я лично прослежу, чтобы твою поганую шконку обыскали от и до. У меня есть ордер на обыск этой территории — шучу, нет у меня ни хера, потому что меня только что выперли из убойного отдела, но я, блядь, найду способ тебя достать. Понял? Я найду твою контрабанду, найду твои трупы и посажу так глубоко, что ты будешь раком стоять перед прокурором и молиться, чтобы он тебя хотя бы в задницу не трахал!

— Вы с ума сошли, — прошептал он, отступая.

— Сошла? — я почти засмеялась. — Да, блядь, сошла! Потому что там, нахуй, ребенок! Семилетняя девчонка, которую сейчас, возможно, насилуют эти твои дружки! И если ты мне сейчас не скажешь, куда её могли увести, я, клянусь, пристрелю тебя нахрен прямо здесь! И скажу, что ты оказал вооруженное сопротивление!

Харрис схватил меня за плечо.

— Грэйс, твою мать, успокойся!

— Отъебись, Харрис! — я вырвала руку. — Или ты тоже за компанию получишь!

Но рыбак уже сломался. Он забормотал что-то нечленораздельное, но я уже всё поняла. Я развернулась и пошла обратно, к машине. Харрис едва поспевал за мной.

— Ты же не собираешься идти в «Ржавый якорь» прямо сейчас? — спросил он, тяжело дыша. — Это самоубийство, Грэйс! Там собирается всё отребье порта. Нас просто не выпустят оттуда живыми. Нужно подкрепление, ордер, мать твою...

— Если мы заявимся туда с подкреплением, Харрис, девочка умрёт, — я остановилась и посмотрела ему прямо в глаза. — Чужак поймет, что мы напали на след, и просто избавится от улики. Надя Моро — это улика. Живой товар, который стал слишком горячим. Единственный шанс — это тихо войти, найти Молчуна и заставить его говорить. Без шума. Без ордера. Без правил.

— Ты понимаешь, что ставишь на карту не только дело, но и свою жизнь? — Харрис схватил меня за рукав. — Грэйс, это не игра, блядь!

— Это никогда не было игрой, Харрис, — я вырвала руку. — Ты спросил, почему я сижу в архиве, зарывшись в бумаги? Потому что там мертвые. Они не кричат. Но эта девочка... она живая. Пока. И каждое тиканье часов — это шаг к тому, что мы опоздаем. Если ты боишься, оставайся здесь нахуй. Но я иду.

Я села за руль, не глядя на него. Харрис постоял пару секунд, выругался сквозь зубы и плюхнулся на пассажирское сиденье.

— Ты бешеная, Грэйс. Совсем, блядь, бешеная.

— Знаю, — я завела мотор. — Заткнись и поехали.

Глава 4. Дно стакана

Дорога до «Ржавого якоря» заняла пятнадцать минут, но мне они показались часом. Харрис сидел рядом, нервно постукивая пальцами по колену, но молчал. Он уже понял: когда я так смотрю на дорогу — прищурившись, сжав челюсти, — спорить со мной всё равно что бросать камни в туман. Бесплезно и глупо.

Восточный пирс встретил нас зловонием гниющих водорослей и ржавого металла. Фонари здесь горели через один, и те, что ещё работали, светили тусклым, умирающим светом, словно сами стыдились того, что освещают. Бар «Ржавый якорь» притулился на самом краю пирса — покосившееся двухэтажное строение, обшитое почерневшими от времени и соли досками. Вывеска, когда-то гордо изображавшая якорь, теперь болталась на одной цепи, издавая жалобный скрип при каждом порыве ветра. Изнутри доносился глухой гул голосов и звук расстроенного пианино — кто-то пытался наиграть мотив, который даже отдаленно не напоминал музыку, скорее, предсмертную агонию звуков.

Я заглушила мотор и повернулась к Харрису.

— Ты ждешь здесь.

— Что? — он выпрямился на сиденье. — Грэйс, это безумие, твою мать! Одна ты туда не пойдешь! Там же...

— Там же — что? — я посмотрела на него в упор. — Отребье? Контрабандисты? Убийцы? Харрис, я пять лет работаю с делами, от которых эти людишки бегали. Я знаю их язык. Я знаю, как они дышат. А ты, — я кивнула на его полицейский плащ и аккуратный галстук, — ты пахнешь участком за милю. Они закроются в ту же секунду, как ты переступишь порог. Мне нужна информация, а не перестрелка, блядь. Если я не выйду через сорок минут — вызывай подкрепление. Но не раньше.

Харрис хотел возразить, но я уже вышла из машины и захлопнула дверцу. Ветер тут же подхватил полы моей куртки, разметал черные волосы. Я на мгновение замерла, глядя на

дверь бара, потом сунула руки в карманы и двинулась вперед — длинная, прямая, как клинок, который ещё не вынули из ножен.

Дверь подалась с мерзким скрипом, и я шагнула внутрь. Меня сразу окутало облако табачного дыма, густого и едкого, словно здесь курили без перерыва последние сто лет. В нос ударил запах пролитого виски, пота и чего-то сладковатого, напоминающего опий. Лампы под потолком были засижены мухами и давали света не больше, чем церковная свеча. Помещение было длинным и узким, с низким потолком и деревянным полом, который прогибался под ногами, как палуба старого корабля. Вдоль стен стояли столы, за которыми сидели люди. Вернее, те, кого принято называть людьми лишь по биологическому недоразумению.

Справа, в углу, компания портовых грузчиков играла в кости. Их лица, изрезанные шрамами и морщинами, в полумраке казались масками, вырезанными из старого дерева. Слева, у стойки, двое типов в засаленных робах что-то тихо обсуждали, склонившись друг к другу. Один из них, с лицом, изъеденным оспой, поднял глаза на вошедшую меня, окинул оценивающим взглядом и что-то шепнул приятелю. Тот хмыкнул и отвернулся. В глубине зала, на небольшом возвышении, которое, видимо, служило сценой, сидел старик с изможденным лицом и терзал расстроенное пианино. Никто не обращал на него внимания.

Я прошла к барной стойке — массивной конструкции из темного дерева, исцарапанного и прожженного сигаретами в тысяче мест. За стойкой стоял он. Молчун.

Он полностью оправдывал свое прозвище. Это был человек, которого природа создала, кажется, специально для того, чтобы слушать. Худой, с впалыми щеками и глубоко посаженными глазами, которые смотрели на мир с выражением вечной, неизлечимой скуки. Волосы, редкие и сальные, были зачесаны назад и прилипали к черепу, как мокрые водоросли к камню. Одет он был в некогда белую рубашку, теперь серую от времени, и жилетку с потускневшими золотыми пуговицами. Он протирал стакан тряпкой, которая, казалось, только добавляла грязи, а не убирала её. Когда я подошла, он поднял на меня глаза — медленно, лениво, словно само движение век требовало от него невероятных усилий.

— Виски, — сказала я, кладя на стойку купюру. — Без льда.

Молчун ничего не ответил. Он поставил стакан, налил на два пальца янтарной жидкости и подвинул ко мне. Движения его были экономными, выверенными — ни одного лишнего жеста. Так двигаются люди, которые привыкли, что за ними наблюдают.

Я сделала глоток. Виски был дешевым, обжигал горло и оставлял после себя вкус керосина, но именно это сейчас и требовалось. Я поставила стакан и посмотрела на бармена в упор.

— Мне нужна информация.

Молчун продолжал протирать стакан. Его лицо не изменилось.

— Здесь все пьют, — сказал он. Голос у него был сухой и тихий, как шорох песка. — Никто не говорит.

— А ты попробуй, — я подвинула к нему ещё одну купюру, на этот раз крупнее. Деньги исчезли со стойки быстрее, чем я успела моргнуть.

— Я слушаю.

— Элис Моро. Портниха с Южного дока. Вчера ночью её зарезали в собственном доме.

Молчун пожал плечами — жест, который должен был означать равнодушие, но я заметила, как на мгновение напряглись его пальцы, державшие стакан.

— Порт большой. Людей режут каждую неделю.

— У неё была дочь. Семь лет. Зовут Надя. Девочка исчезла.

На этот раз реакция была более заметной. Бармен на долю секунды перестал протирать стакан. Его глаза, до этого смотревшие куда-то в пространство, сфокусировались на мне.

— Сочувствую. Но это не мое дело.

— Врешь, — я подалась вперед. — Это твое дело. Потому что тот, кто это сделал, приходит сюда. Он пьет твой виски. Он смотрит в твои глаза. И ты знаешь, кто он.

В баре стало тише. Я почувствовала, как несколько пар глаз уставились мне в спину. Грузчики перестали играть в кости. Двое у стойки отодвинули свои стаканы. Даже старик за пианино сбился с ритма и затих. Тишина навалилась на плечи, тяжелая и липкая, как мокрая шерсть.

Молчун медленно отложил тряпку. Он оперся руками о стойку и наклонился ко мне так близко, что я почувствовала запах лука и дешевого табака из его рта.

— Послушай меня, девочка, — прошептал он, и в этом шепоте было больше угрозы, чем в ином крике. — Ты пришла в плохое место и задаешь плохие вопросы. Люди, которые сюда ходят, не любят вопросов. А люди, на которых ты сейчас пытаешься выйти, не любят их ещё больше. Если я тебе что-то скажу, завтра мой труп будут вылавливать из залива. Если я тебе ничего не скажу, ты уйдешь. Живой. Это лучший вариант для нас обоих.

— А мне насрать, что они там любят, — я схватила его за грязный воротник рубашки. — Ты меня слышишь, урод? Мне насрать на твою шкуру, мне насрать на твои сделки с совестью! Девочке, блядь, семь лет! Она, сука, рисовала кораблики! У неё был тряпичный заяц! И сейчас она, возможно, лежит в какой-то вонючей дыре с кляпом во рту, пока эти твари решают, продать её или просто закопать!

— Отпусти, — прохрипел Молчун, и в его глазах мелькнул страх.

— Отпущу, когда скажешь, где её держат! Или, клянусь, я разнесу этот ваш вонючий бар по доскам! — я трянула его. — У меня больше нет значка, мать твою! Мне нечего терять! Я, блядь, сегодня уже бросила работу, дом и, возможно, жизнь, чтобы найти эту девчонку! Так что решай: ты говоришь, или я делаю так, что «Ржавый якорь» станет твоим личным, сука, гробом!

— Там, где раньше была фабрика по разделке рыбы, — выплюнул он. — Старое здание за восточным волнорезом. Там никто не ходит. Там нет людей. Только вода и ржавчина. Отпусти, сумасшедшая!

Я разжала пальцы. Он отшатнулся, потирая шею.

— Почему ты мне это сказал? — спросила я, тяжело дыша.

— Потому что у меня тоже была дочь, — он отвернулся и прошептал едва слышно: — Давно.

— А теперь выметайся нахуй, — добавил он уже громче.

Я не стала спорить. Толкнула дверь и вышла в ночь, где туман стал ещё гуще, а ветер — ещё злее. В голове стучала одна мысль: «Старая рыбная фабрика. Восточный волнорез».

В машине Харрис встретил меня взглядом, полным тревоги.

— Ну что? Удалось?

— Ничего, — я завела мотор. — Он ничего не сказал.

Я не знала, почему соврала. Возможно, потому что хотела проверить эту информацию сама. Возможно, потому что не доверяла никому — даже Харрису. Или потому что уже поняла: это дело — моё и только моё. И если я облажаюсь, никто не разделит со мной этот груз.

Машина сорвалась с места, разбрызгивая лужи, и скрылась в пелене тумана. «Ржавый якорь» остался позади, покачиваясь на краю пирса, как гнилой зуб во рту старого пьяницы.

Глава 5. Последняя нить

На следующее утро я пришла в управление раньше всех. Дождь вернулся — мелкий, противный, он сеялся с неба, как мука из дырявого мешка. Сержант на входе только кивнул, не вынимая изо рта сигары, которая, казалось, была частью его лица. Я прошла в «Холодные

дела», даже не взглянув на него. В голове всё ещё стучали слова Молчуна: «Там, где раньше была фабрика по разделке рыбы».

Я села за свой стол и вытащила старую карту порта, которую хранила в нижнем ящике. Карта была пожелтевшей, с загнутыми углами и пометками, сделанными карандашом много лет назад. Восточный волнорез... Вот он — длинная каменная гряда, уходящая в море на полмили. А за ним, обозначенное крошечным прямоугольником, — здание фабрики. Судя по карте, оно было заброшено лет двадцать назад, когда рыбный промысел в этом районе пришел в упадок.

Я разложила на столе все материалы по делу Элис Моро. Фотографии места преступления, протоколы допросов соседей — пустые, бесполезные, полные страха и нежелания говорить. Я знала этот тип показаний: «Ничего не видел, ничего не слышал, ничего не знаю». Язык порта. Язык выживания. Я перебирала бумаги, ища хоть какую-то зацепку, которая связала бы убийство с фабрикой. Ничего. Но интуиция — та самая, что годами направляла меня в лабиринтах «холодных дел», — кричала, что Молчун сказал правду. Или, по крайней мере, часть правды.

В девять часов в комнату вошел Харрис. Он выглядел невыспавшимся, под глазами залегли тени, похожие на синяки. В руке он держал картонный стаканчик с кофе.

— Ты рано, — сказал он, ставя стаканчик на мой стол. — Держи. Черный, без сахара. Я запомнил.

Я кивнула в знак благодарности, но от кофе не оторвалась от карты.

— Харрис, что ты знаешь о старой рыбной фабрике за восточным волнорезом?
Харрис нахмурился.

— Фабрика? Там уже лет двадцать никого нет, твою мать. Одни развалины. Туда даже бомжи не суются — говорят, место проклятое. В пятидесятом там прорвало трубы с аммиаком, и полцеха вымерло за одну смену. С тех пор стоит пустая. А что?

— Ничего, — я откинулась на спинку стула. — Просто мысль.

В этот момент дверь распахнулась, и в комнату влетел капитан Морроу. Его лицо было багровым — то ли от гнева, то ли от повышенного давления, которое преследовало его последние десять лет. Он хлопнул дверью так, что задрожали стекла в шкафах.

— Грэйс! Что это, блядь, такое?! — рявкнул он, швыряя на стол рапорт Харриса. — Ты, без разрешения, без прикрытия, одна, пошла в самый грязный притон порта?! Ты совсем, сука, ебанулась?!

— А ты ебанулся, капитан? — я встала, глядя ему прямо в глаза. — Девочка пропала двенадцать часов назад! Двенадцать, блядь, часов! А вы тут сидите на своих жирных жопах и бумажки перебираете!

— Это не тебе, сука, решать! — заорал он так, что у Харриса лицо вытянулось. — Ты — бумажная крыса! Поняла? Твоя работа — пыль нюхать! А не геройствовать! Ты отстранена от этого дела, слышишь?! Официально!

— Иди нахуй, Морроу, — тихо сказала я. — Иди нахуй со своим отделом, со своими генеральскими погонами и своим гребаным порядком.

— Что-о?! — он опешил.

— Ты слышал, — я достала чистый лист и начала писать заявление об увольнении. — Не могу я тут сидеть, пока там ребенка убивают. Ты ссыкло, Морроу. Ты всегда был ссыклом. Боишься полезть туда, где пахнет жареным. А мне — насрать. Уволюсь — буду частным детективом. Или бомжихой. Но эту девчонку я найду.

— Да пошла ты, Грэйс! — рявкнул он. — Проваливай нахуй! Чтоб я тебя больше не видел!

— С радостью, — я сунула заявление ему в руки. — Иди нахуй, капитан. Вместе со своим участком.

Харрис догнал меня в коридоре.

— Грэйс, твою мать! Ты что наделала? Совсем с ума сошла?

— А что я должна была сделать? — я развернулась к нему. — Сидеть и ждать, пока они найдут её труп? Ты тоже иди нахуй, Харрис. Ты — хороший коп, но сейчас ты на стороне этих мудаков.

— Да не на стороне я, блядь! — он схватил меня за плечи. — Просто... будь осторожна, ладно? Я не хочу, чтобы тебя... чтобы ты...

— Не надо, — я оттолкнула его руки. — Не надо сейчас слезливых соплей. Лучше скажи, где я могу найти нормальную пушку, потому что моя — дерьмо.

Он выругался сквозь зубы, достал из кобуры свой револьвер и сунул мне в руки.

— Держи. «Смит-и-Вессон», тридцать восьмой. Полный барабан. Запасных нет. Только верни, сука. Живой, блядь, вернись.

Я сунула револьвер в карман куртки.

— Спасибо, Харрис. Ты не такой мудака, как я думала.

— Иди уже, — он махнул рукой. — Иди, спасай свою девчонку.

Я вышла из участка и направилась к старому «Форду», который Харрис, оказывается, пригнал к крыльцу. Ключи торчали в замке зажигания. Я села за руль, закурила последнюю сигарету и нажала на газ.

Впереди был восточный волнорез. Впереди была старая рыбная фабрика. Впереди была Надя.

Глава 6. Глубина

Дождь хлестал по лобовому стеклу с такой силой, что дворники не справлялись. Я прищурилась, вглядываясь в дорогу, которая становилась всё уже и хуже. Асфальт сменился булыжной мостовой, булыжник — утоптаным гравием, а потом и гравий исчез, уступив место грязи, в которой колёса «Форда» вязли, как в болоте.

— Ну давай, старая развалина, — бормотала я, выжимая газ. — Не подведи, сука. Ещё немного.

«Форд» чихал, кашлял, но ехал.

Восточный волнорез возник из тумана внезапно — длинная каменная змея, уходящая в море. Фары выхватили из темноты покосившиеся ворота с ржавой табличкой: «Рыбная фабрика №4. Посторонним вход воспрещен». Я заглушила мотор и вышла из машины. Ветер с залива ударил в лицо, принесся запах соли, ржавчины и чего-то сладковатого — запах гнили, который преследовал меня с тех пор, как я вошла в дом Элис Моро.

Я проверила револьвер. Шесть патронов. Больше не будет. Значит, каждый выстрел — на вес золота, и промахиваться нельзя. Я сунула оружие обратно в карман и двинулась к воротам. Те поддались с мерзким скрежетом, достаточно громким, чтобы разбудить мертвого. Я замерла, прислушиваясь. Тишина. Только дождь, ветер и далекий плеск волн о камни.

Фабрика встретила меня черным провалом главного входа и запахом сырости, которая копилась здесь десятилетиями. Я шагнула внутрь и включила маленький фонарик, найденный в бардачке «Форда». Луч света выхватил из темноты картину разрушения: провалившийся пол, ржавые остовы машин, горы битого стекла. Потолок зиял дырами, сквозь которые сочился туман. Всё здесь было пропитано безнадежностью и запустением.

Я двигалась медленно, осторожно ступая по прогнившим доскам. Где-то капала вода. Где-то скрипела на ветру незакрытая дверь. Каждый звук отдавался эхом в пустом простран-

стве, и казалось, что фабрика живет своей, потусторонней жизнью. Пахло аммиаком и чем-то ещё — слабым, но узнаваемым. Керосин? Нет. Мазут. Так пахнут корабли. Так пахнут люди, которые прячутся в этих стенах.

Свет в глубине цеха я заметила не сразу. Маленький, дрожащий — не электричество, а пламя керосиновой лампы. Я погасила фонарик и пошла на свет. Чем ближе я подходила, тем отчетливее становились звуки: тихий разговор, стук кружки о стол, шарканье ног. Я прижалась спиной к ржавому остову какой-то машины и осторожно выглянула.

В дальнем углу цеха, уцелевшем лучше остальных, была оборудована жилая комната. Деревянный стол, несколько стульев, старая печка-буржуйка, на которой грелся чайник. Две койки, застеленные серыми одеялами. И трое мужчин. Двое за столом играли в карты. Третий сидел на койке и чистил ружье — обрез двустволки, который зловеще поблескивал в свете лампы.

И ещё кое-что. У стены, в тени, — маленькая фигурка, скорчившаяся на куче тряпья. Девочка. Она сидела, обхватив колени руками, и смотрела в одну точку. На ней было всё то же ситцевое платье, что и на фотографии, только теперь грязное и порванное. Светлые волосы спутались. Она не плакала, не звала маму, не просилась домой — она просто сидела и молчала. И это молчание было страшнее любого крика.

Я почувствовала, как внутри всё закипает. Холодная ярость — та самая, которую я так долго сдерживала, — поднялась откуда-то из глубины и затопила разум. Шесть патронов. Трое мужчин. Я могу уложить их, но тогда Надя останется одна в этом аду, а выстрелы привлекут тех, кто может быть в других частях фабрики. Нет. Нужно действовать тихо и умно.

Я отступила в тень и стала ждать. Минуты тянулись, как смола. Дождь барабанил по крыше. Ветер выл в пустых оконных проемах. Мужчины за столом закончили партию, и один из них, покрупнее, встал и направился в темный коридор — видимо, в уборную. Я скользнула за ним.

В коридоре было совсем темно. Я настигла его у поворота — быстрым, отработанным движением зажала рот и ударила рукоятью револьвера в висок. Точно, без лишнего шума. Тело грузно осело на пол. Минус один.

Вернувшись в цех, я затаилась за штабелем ящиков. Оставшиеся двое продолжали заниматься своими делами. Тот, что чистил обрез, наконец закончил, встал и потянулся, хрустя суставами.

— Пойду проверю периметр, — бросил он напарнику. — Что-то ветер слишком сильно воет. Не нравится мне это.

Он двинулся в другую сторону — к запасному выходу. Я выждала минуту и последовала за ним. У выхода, где дождь хлестал в открытый дверной проем, я догнала его. Он успел обернуться, успел увидеть моё лицо и даже открыть рот для крика, но я была быстрее. Удар ногой под колено, захват шеи, резкое движение — и второе тело осело на мокрый бетон.

Минус два.

Остался последний. Тот, что сидел за столом и продолжал тасовать карты. Я понимала: сейчас или никогда. Тихо убрать его не получится — он слишком близко к девочке. Значит, придется импровизировать.

Я вышла из тени, держа револьвер в опущенной руке. Мужчина поднял глаза и замер. Это был лысоватый тип с лицом, изрытым оспой, и маленькими свинячими глазками. Он уставился на меня с выражением крайнего изумления, которое быстро сменилось злобой.

— Ты кто такая, сука? — рявкнул он, хватаясь за нож, лежавший на столе.

— Стой! — мой голос прозвучал резко, как выстрел. — Одно движение — и я стреляю тебе в ебало!

Он замер. В глазах его боролись страх и ярость. Рука застыла в нескольких дюймах от ножа.

— Ты не знаешь, с кем связалась, — процедил он сквозь зубы. — Ты труп, мразь. Ты уже труп, просто ещё не поняла этого.

— Где остальные? — спросила я, медленно приближаясь.

— Остальные? — он скривился в усмешке. — А ты думала, нас только трое? Наивная дура. Босс уехал час назад. Но он вернётся. С подкреплением. И тогда тебе конец, шлюха.

— Значит, у меня мало времени. Тем лучше.

Я выстрелила. Револьвер дернулся в руке, и грохот эхом разнесся по пустому цеху. Пуля попала ему в плечо — он взвыл, опрокинулся на спину, но попытался снова дотянуться до ножа. В его глазах была такая звериная ненависть, что у меня не осталось сомнений.

— Что, сука, страшно? — прошипела я, целясь ему в грудь. — А девчонке было страшно? А её матери, когда ты втыкал в неё нож?

— Пошла ты... — прохрипел он.

Я выстрелила ещё раз. На этот раз точно в сердце. Тип дернулся и затих.

Надя даже не пошевелилась. Девочка продолжала сидеть на куче тряпья, обхватив колени руками, и смотреть в пустоту. Её лицо было бледным, как бумага, а глаза — широко открытыми, но ничего не выражающими. На её ситцевом платье были чужие мозги и кровь. Взгляд, который я видела однажды у женщины, пережившей бомбардировку. Взгляд, который говорил: душа ушла отсюда, осталось только тело.

Я убрала револьвер и медленно подошла к девочке. Присела рядом, стараясь не делать резких движений. Моя рука дрожала.

— Надя, — тихо позвала я. — Надя, я пришла за тобой. Ты в безопасности. Всех этих людей больше нет.

Молчание. Девочка не реагировала — ни на имя, ни на голос. Она продолжала смотреть в стену, и я вдруг заметила, что её губы слегка шевелятся, словно она что-то шепчет. Что-то беззвучное, как молитва без слов.

— Ну пожалуйста, — прошептала я, чувствуя, как к горлу подступает комок. — Пожалуйста, скажи хоть что-нибудь, Надя. Заплачь, ори, ударь меня. Только не молчи, блядь!

Она молчала.

— Пойдем, — я осторожно взяла её за руку. Ладонка была холодной и вялой, как у тряпичной куклы. — Нам нужно уходить. Сейчас. Быстрее.

Надя не сопротивлялась. Она дала поднять себя на ноги и пошла за мной, как заводная игрушка, у которой кончается пружина. Маленькая, легкая, почти невесомая. Мы миновали цех, вышли в коридор, миновали два тела, лежащих на полу, и направились к выходу. Я ждала, что в любой момент из темноты выскочат люди «босса», о котором говорил убитый. Но вокруг было тихо.

Мы вышли под дождь. Я сняла куртку и накинула на плечи Наде. Девочка даже не вздрогнула, когда холодные капли ударили по лицу. Она шла, спотыкаясь, не глядя под ноги, и мне пришлось почти нести её на руках до машины.

В «Форде» я усадила девочку на пассажирское сиденье и укрыла найденным в багажнике старым пледом. Надя продолжала молчать. Её губы всё ещё шевелились, и теперь я расслышала слова — едва различимый шепот: «Мама... мама...»

— Я знаю, — прошептала я, и слёзы навернулись на глаза. — Я всё знаю, маленькая. Держись.

Я завела мотор и нажала на газ. Машина рванула с места, разбрызгивая грязь, и понеслась прочь от проклятой фабрики, от восточного волнореза, от порта с его тенями и секретами. В зеркале заднего вида я видела, как огни фабрики медленно тают в тумане, словно злой сон, который наконец заканчивается.

— Только попробуй сдохнуть, старая развалина, — бормотала я машине, выжимая газ до упора. — Только попробуй, сука. Я тебя собственноручно на свалку отправлю, если ты сейчас заглохнешь.

Дорога до управления заняла вдвое меньше времени, чем обычно. Я гнала, не обращая внимания на стук в четвёртом цилиндре, на красные сигналы светофоров, на встречные машины, которые сигналили мне вслед. Я думала только об одном: довезти Надю до безопасного места.

В участок я вошла через главный вход, всё так же держа Надю за руку. Сержант за стойкой открыл рот, сигара вывалилась и покатила по полу. В коридоре застыли двое патрульных. Я прошла мимо них, не говоря ни слова, и направилась прямо в кабинет капитана.

Морроу сидел за столом, просматривая бумаги. Когда дверь открылась, он поднял глаза и застыл. Его лицо — багровое, с набухшими венами, — медленно вытянулось, теряя краску.

— Грэйс... — выдохнул он. — Что... что это, блядь?

— Это Надя Моро, — сказала я, и голос мой звенел от едва сдерживаемой ярости. — Та самая пропавшая девочка, которую вы, капитан, уже списали со счетов. Я нашла её на старой рыбной фабрике за восточным волнорезом. Там держали детей. Там торговали людьми. Трое охранников мертвы. Босс, по-видимому, скрылся. Если поторопитесь, может быть, ещё успеете его взять.

Морроу медленно поднялся. Его взгляд метался между мной и Надей, которая всё так же молча стояла рядом, закутанная в мою куртку.

— Ты... ты понимаешь, что ты натворила? — прохрипел он. — Ты действовала без санкции, без прикрытия, ты, сука, убила людей, ты...

— Я спасла ребёнка, — перебила я, шагнув вперёд. — Капитан, дело закрыто. Вот девочка. Она жива. Остальное — детали, на которые вам насрать.

В комнату вбежал Харрис, за ним — ещё несколько детективов. Все застыли, глядя на сцену перед собой.

— Вызовите медиков, — бросила я, не оборачиваясь. — Девочка в шоке. Ей нужна помощь, мать вашу.

Я снова посмотрела на Морроу.

— Капитан, я написала заявление об увольнении. Оно всё ещё на вашем столе. Если хотите — подпишите его. Мне всё равно, блядь. Но прежде, чем вы это сделаете, посмотрите на неё. Посмотрите и скажите, что я была права.

Морроу молчал. Он перевел взгляд на Надю — маленькую, дрожащую фигурку, которая стояла посреди кабинета, как сломанная кукла. И в его глазах что-то изменилось. Исчез гнев, исчезла гордость, осталась только усталость и что-то похожее на стыд.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Дело твоё, Грэйс. Забирай его. Официально.

— Спасибо, капитан, — я кивнула и повернулась к Харрису. — Мне нужно поговорить с тобой. Позже. А пока... найди её родственников. Тех, кто может забрать Надю.

Харрис кивнул и вышел. Я осталась в кабинете одна. Надя всё так же стояла рядом, и я вдруг почувствовала, как маленькая холодная ладошка крепче сжала мои пальцы. Девочка не говорила ни слова, но её жест сказал больше любых слов. Она не хотела меня отпускать.

Прошёл час. Харрис вернулся с результатами. Его лицо было мрачным.

— Родственников нет, — сказал он. — Точнее, есть тётка, сестра Элис. Живёт где-то в другом штате, три судимости, лишена родительских прав на собственных детей. Она заявила, что девочка ей не нужна. Цитирую: «Пусть государство разбирается, нахуй».

— Значит, детский дом, — тихо произнесла я.

— По закону — да. Система опеки займётся ею завтра утром.

Я смотрела на Надю, которая сидела на стуле в углу кабинета, закутанная в плед. Медик, приходивший полчаса назад, сказал, что девочка пережила сильнейший шок и ей нужен покой, тишина и время. Время, чтобы заново научиться говорить. Время, чтобы забыть. Но что ждёт её в детском доме? Те же холодные стены, та же чужая жестокость, то же одиночество, только без надежды на спасение.

И тогда я приняла решение. Простое и ясное, как выстрел. Такие решения всегда давались мне легче всего.

— Харрис, — сказала я медленно. — Я забираю её к себе.

Он уставился на меня, не веря своим ушам.

— Ты офигела, Грэйс? — он выпучил глаза. — Ты... ты не можешь просто взять и...

— Я сказала: забираю! — рявкнула я, чувствуя, как слёзы снова подступают к горлу. — Потому что я обещала ей! Обещала, сука! А свои обещания я держу! В отличие от некоторых!

— Но это же... это...

— Что — это? — я ткнула его пальцем в грудь. — Это ребенок, Харрис! Ребенок, у которого только что убили мать, который три дня просидел в вонючем подвале у этих гондонов, который видел такое, что нам с тобой и не снилось! И ты хочешь отдать её в систему, где её, блядь, снова сожрут? Да пошёл ты!

— Ладно, — он поднял руки. — Ладно, чёрт с тобой. Я помогу, чем смогу. Но ты... ты хоть понимаешь, на что идёшь?

— Нет, — честно сказала я. — И мне насрать.

Я подошла к Наде и присела перед ней на корточки. Девочка сидела всё так же неподвижно, но её рука по-прежнему сжимала мои пальцы.

— Послушай меня, Надя, — сказала я тихо, глядя в пустые глаза ребёнка. — Я не знаю, слышишь ли ты меня. Я не знаю, понимаешь ли ты. Но я хочу сказать тебе одну вещь. Ты не одна. Ты больше никогда не будешь одна. Я обещаю тебе это. Обещаю.

И в этот момент что-то дрогнуло в лице девочки. Едва заметно. Только тень движения, только искра в глубине глаз. Но я увидела это. И поняла, что всё делаю правильно.

Я взяла Надю за руку и вывела из кабинета.

Мы вышли на крыльцо. Дождь кончился. Было серо, сыро и тихо.

— Ну что, Надя, — сказала я, глядя на неё сверху вниз. — Поехали домой. Там, правда, бардак. И кофе нет. И вообще — халупа. Но это лучше, чем здесь. Лучше, чем все эти мудаки.

Девочка молчала. Но её пальцы чуть сильнее сжали мою руку.

— Значит, договорились, — я горько усмехнулась. — Две психованные бабы в одной конуре. Что может пойти не так?

Я посадила Надю в «Форд», завела мотор. Старая развалина кашлянула, чихнула и заурчала.

— Пошли, старая, — прошептала я. — Не подведи.

И мы уехали.

За окнами машины проплывал серый, тусклый рассвет. Дождь наконец стих, оставив после себя мокрый асфальт и лужи, в которых отражалось тяжёлое свинцовое небо. Впереди была дорога домой. Впереди была новая жизнь — странная, непредсказуемая, полная трудностей и неизвестности. Но впервые за долгое время я чувствовала себя не просто сторожем на кладбище «холодных дел». Я чувствовала себя человеком, который способен что-то изменить.

Автомобиль катился по мокрым улицам, увозя двух одиноких людей в сторону восхода. И где-то там, в лабиринтах порта, на дне чёрной воды, остались лежать старые тайны — теперь уже навсегда покрытые солью и забвением.

Глава 7. Обещание, высеченное на тишине

Дождь в этом городе шёл всегда. Я начала подозревать, что он никогда не кончался по настоящему — просто иногда делал вид, затаивался на несколько часов, чтобы потом вернуться с новой силой. В ту ночь, когда я привезла Надю домой, дождь барабанил по крыше моей студии с такой яростью, будто хотел пробить её насквозь. Я сидела в кресле у окна, смотрела на серые струи, стекающие по стеклу, и чувствовала себя так, словно мы с девочкой оказались на дне океана — в мутной, холодной глубине, куда не проникает солнечный свет.

Первые две недели не было ни утра, ни вечера. Только бесконечные серые сумерки, в которых время текло как смола. Я перестала смотреть на часы. Они вращались. Или я вращала себе, что вообще способна справиться с тем, что взяла на себя.

Надя спала на моей кровати — я сама уступила её в первый же вечер. Она свернулась калачиком на левом боку, лицом к стене, и почти не двигалась во сне. Иногда мне казалось, что она умерла — так ровно и тихо она дышала. Я подходила, прислушивалась, клала руку на её худенькое плечо, чувствовала тепло и отступала. Жива. Пока жива.

Я устроилась в старом кресле, которое помнило ещё моего отца. Кожа на подлокотниках потрескалась, из прорех лезла желтоватая набивка, похожая на старые кости. Кресло скрипело при каждом моём движении, и мне казалось, что это дом жалуется на моё присутствие. Что ж, я тоже не в восторге.

Она не плакала. Вот что пугало меня больше всего. Ни звука. Ни вздоха. Ни рыдания в подушку. Надя сидела на кровати, поджав колени к подбородку, и смотрела в стену. Или в окно. Или сквозь меня. Её глаза — большие, тёмно-серые, как небо перед грозой, — были пустыми, как заброшенный колодец, в котором давно пересохла вода. Врач из социальной службы, сухая женщина в очках с толстыми линзами, сказала, что это «острый травматический ступор». Она добавила, что это пройдёт. Не сказала — когда. Может быть, через месяц. Может быть, через год. А может быть — никогда.

Я варила ей кашу, которую она не ела. Я поила её чаем, который она не пила. Я ставила тарелку на тумбочку у кровати, а через час уносила нетронутой. Однажды я разозлилась — на неё, на себя, на весь этот чёртов мир, который позволяет убивать матерей и похищать детей. Схватила тарелку и швырнула в стену. Каша разлетелась жёлтой кляксой по обоям, тарелка разбилась вдребезги. Надя даже не вздрогнула. Она просто перевела взгляд со стены на осколки, потом на меня. В её глазах не было страха. Не было упрёка. Было только одно — бесконечное, бездонное терпение человека, который уже видел худшее, что может предложить этот мир.

Я села на пол, прислонилась спиной к стене и закрыла лицо руками. Долго сидела так. А когда подняла голову — Надя стояла передо мной. Босиком, в длинной ночной рубашке, с которой свисали нитки — я так и не зашила подол. Она протянула мне тряпичного зайца с оторванным ухом. Того самого, из её комнаты. Я взяла его в тот день, когда мы уезжали с фабрики. Зачем — не знаю. Просто сунула в карман куртки. А теперь отдала ей.

Она прижала зайца к груди и посмотрела мне в глаза. Молча. Требовательно.

— Хорошо, — сказала я. — Хорошо. Не буду больше кидаться посудой.

Она не кивнула. Просто отвернулась и пошла обратно в кровать, волоча зайца за ухо.

В ту ночь я почти не спала. Сидела в кресле, курила в приоткрытое окно, смотрела на дождь и думала об Элис Моро. О том, как она лежала на половике с закрытыми глазами, а её дочь спала в двух метрах и ничего не слышала. Или слышала, но не могла пошевелиться от ужаса. Я не знаю. Я не хочу знать.

— Знаешь, Надя, — сказала я тихо, обернувшись. Она лежала с открытыми глазами, смотрела в потолок. — Я не умею говорить такие вещи. Я не мать. Я даже не тётя какая-нибудь заботливая. Я детектив — вернее, была им, пока не послала всех в задницу. Но я хочу, чтобы ты кое-что знала.

Она не шевельнулась.

— Я найду того, кто убил твою маму. — Голос мой был тихим, но твёрдым. Не знаю, верила ли я сама в эти слова. Но я должна была их сказать. — Клянусь тебе. Не знаю, сколько времени это займёт. Может быть, месяцы. Может быть, годы. Но я найду. И когда найду — сделаю так, что он больше никогда никому не причинит вреда. Это не просто обещание. Это приговор.

Тишина. Только дождь и моё дыхание. И вдруг — шорох простыней. Скрип кровати. Шаги босых ног по холодному полу.

Она подошла ко мне сзади. Я не оборачивалась, боясь спугнуть этот момент, хрупкий, как паутина. Она остановилась в шаге от моего кресла. Я чувствовала её тепло — слабое, детское, почти неосоздаваемое. А потом её руки обвили мою шею сзади. Она обняла меня. Молча. Не всхлипывая. Просто прижалась щекой к моему затылку.

Я закрыла глаза. Впервые за много лет кто-то обнимал меня не потому, что я была нужна по работе, не потому, что я кому-то что-то должна. А просто так. Без причин. Без условий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.